

Хотя абрикосы на дереве уже покраснели, это еще не значит, что они созрели и пригодны в пищу. Если они окажутся слишком кислыми, Фэн И расплачется и позовет матушку, а наказыват потом будут меня.

Задумавшись об этом, я и вовсе потерял желание возиться с Фэн И. Я покрутил в руке бумажный веер и попытался вернуться к мыслям, которые занимали меня мгновение назад... Но о чем же я думал? Напрочь забыл, какая досада.

— Дядюшка, милый дядюшка, я хочу, ну хочу же! — притворно рыдая, Фэн И уцепился за полу моего халата и принялся теребить меня, раскачивая из стороны в сторону. От этого настойчивого качания мое и без того раздраженное настроение испортилось окончательно.

— Шли бы ты поиграть куда-нибудь, мелочь пузатая. Захотел абрикосов — полезай и срывай сам, разве не видишь, что я занят важными делами? Не докучай мне, — поморщился я.

Не осознавая, насколько резкими вышли мои слова, я повернулся и зашагал в беседку. Сзади послышалось протяжное «дядюшка», следом за которым раздался оглушительный рев. Испугавшись, что сейчас прибежит его матушка, я бросился обратно и зажал Фэн И рот ладонью. Увидев его влажные глазки со слезинками, полные детской обиды и робкой заискивающей мольбы, я только тяжело вздохнул.

— Ладно, сдаюсь. Только условие: больше не плакать. И даже если этот красный абрикос окажется кислым до такой степени, что сводит зубы, — всё равно ни звука, — Фэн И в знак согласия закивал.

Только после этого я убрал руку, встал и взглянул на тот самый приглянувшийся ему плод. На беду, он висел на самой макушке, прямо посреди раскидистой ветки. Лицо мое тут же помрачнело:

— Слишком высоко, мне не дотянуться.

Заметив, что глаза Фэн И снова наполнились слезами и грозят пролиться водопадом, я поспешно добавил:

— Так, давай сделаем так: я тебя подниму, и ты сорвешь его сам. А если всё-таки не сможешь достать именно этот, выберешь какой-нибудь другой, идет?

Фэн И закивал так усердно, будто птица клюет зерно, вытянул свои пухлые короткие ручки и радостно завопил: «Дядюшка, подними! Дядюшка, подними!» Сдерживая дикое желание огреть его по башке собственным веером, я подхватил мальчика на руки, дождался, пока он обзаведется желанным абрикосом, и опустил обратно на землю.

— Ну всё, сорвал? Только пока не ешь, сперва отнеси на кухню, пусть кухарка хорошенько их

помоет. Вот как помоет — тогда и попробуешь, — наказал я.

Фэн И, явно недовольный тем, что придется отложить угощение, засунул абрикос за щеку, но всё же вприпрыжку умчался на кухню.

Я облегченно выдохнул: наконец-то удалось отделаться от этого липучего ребенка.

Остальные принцы, конечно, тоже не оставляли надежды получить лакомство, но подходить боялись — знали мой суровый нрав и страшились моего свирепого взгляда. Так что они мялись в нерешительности поодаль, а я наслаждался долгожданной тишиной.

Снова попытавшись сосредоточиться на прерванных размышлениях, я понял, что в голове полная пустота, и махнул на это дело рукой. Стоило мне повернуться, как я заметил неподалеку другого мальчика: какой-то мужчина держал на руках юного принца, помогая ему сорвать абрикос, а когда тот сделал выбор, бережно опускал ребенка на траву. Воодушевленные этим примером, остальные принцы, неизвестно куда исчезнувшие из внутреннего двора, один за другим последовали его совету и теперь со всех ног бежали на кухню с добычей, которую им помог достать этот незнакомец.

Тот обернулся ко мне лицом, и я невольно залюбовался: черты его лица были точеными и прекрасными, пожалуй, красивее, чем у любой девицы. Я улыбнулся:

— Фэн Инь... то есть, прошу прощения, Фэн Сыжань, — улыбнулся я. — Сыжань-девица, не виделись два года, а похорошела ты знатно!

— А дядюшка тоже знатно похорошел! Два года прошло, а отъявленная привычка нагло себя вести никуда не делась — у кого ты ей только научился? — Сыжань изогнул бровь, нарочито выделив голосом слова похорошел и нагло.

Я скривил губы, не желая продолжать перепалку.

— Сыжань, два года тебя не было видно в резиденции, как ты поживал? — спросил я.....

— Я — наследный принц, и никто не смеет относиться ко мне пренебрежительно, — нахмурился он. — И позволь напомнить дядюшке: мое имя Фэн Сыжань, я — Сыжань, а не какая-то там девица.

Я пренебрежительно фыркнул, ничуть не раскаявшись:

— Для меня ты Сыжань, а Сыжань — звучит красиво. За два этих года твоя занудная натура стала точной копией характера самого императора.

— Ты! — у Сыжана перехватило дыхание от возмущения.

— А я что? Я лишь говорю правду, — усмехнулся я. Заметив неподалеку служанку матушки, я мгновенно посерьезнел и обратился к кипящему от гнева Сыжаню: — Хватит дуться, матушка прислала за тобой людей. Завидую тебе, право слово — жаль только, что матушка никогда не проявляла ко мне столько заботы, сколько к тебе.

— Не хуже твоего, императрица-матушка точно так же возится и с тобой, — тяжело вздохнул Сыжань, выдав это с таким ученым видом, будто он старый наставник из академии. От смеха у меня заболел живот, а Сыжань, бросив на меня яростный взгляд, послушно последовал за служанкой.

Я уже собирался пойти следом за удалившимся Сыжанем, как случайно бросил взгляд в сторону и замер. В самом дальнем углу двора, ссутулившись и прижав колени к груди, сидела одинокая фигурка. Казалось, весь этот мир давно и навсегда забыл о его существовании, до того тоскливым и сиротливым было это зрелище. Я остановился как вкопанный, не сводя глаз с худеньких детских плеч, выглядывавших из тени.

Тяжело вздохнув, я впервые в жизни ощутил острое желание развеселить ребенка. Я отобрал самый красный и спелый абрикос, отнес его на кухню, тщательно омыл ключевой водой, после чего вернулся во внутренний двор. Ребенок всё так же сидел в своем укрытии. Подойдя ближе и встретившись с его настороженным, полным недоверия взглядом, я протянул ему плод и изобразил самую безобидную, насколько это было возможно, улыбку:

— На, угощайся. Я только что помыл его, он чистый.

Он долго-долго разглядывал меня, прежде чем робко вытянуть руку и взять абрикос. И лишь в тот момент, когда он надкусил его, я с ужасом вспомнил о главном:

— Постой, погоди! Он же может оказаться... хм... кислым...

Предупреждать было уже поздно. По тому, как мгновенно сморщилось детское личико, я понял всё без слов.

Он с трудом прожевал кислую мякоть. Я грешным делом подумал, что сейчас он выплюнет ее прямо мне под ноги, но нет — проглотив дольку, мальчик лишь глубже забился в угол, снова погружаясь в свой собственный мрачный мир, холодный и безмолвный.

Слегка прокашлявшись, я попытался заглушить возникловшее неловкое чувство:

— Как тебя зовут?

Мальчик поднял ресницы, чуть приоткрыл губы и проронил едва слышно:

— Фэн Инь.

Я остолбенел. Фэн? Член императорской семьи? Как же так вышло, что я никогда раньше не слышал этого имени?

Из вежливости я тоже представился:

— Меня зовут Фэн Цзыцин. Ты носишь ту же фамилию, что и я, а раз ты принц правящей династии, то должен называть меня дядюшкой.

— Дядюшка... Фэн Цзыцин... — шевеля губами, повторил Фэн Инь.

Я легко коснулся его макушки бумажным веером и с самым серьезным видом поправил:

— Эй, племянник, обращайся ко мне правильно — дядюшка, не путайся.

Фэн Инь крошечной ладошкой потер место, куда только что пришелся удар веера, и во все глаза уставился на меня своими угольно-черными зрачками, надолго застыв в оцепенении. Наконец он тихонько выдавил:

— Дядюшка.

Я улыбнулся и кивнул, заодно потрепав его по мягким, шелковистым темным волосам.

Окружавшая Фэн Иня аура тоски была настолько густой и тягостной, что от нее бросало в дрожь — одних она отталкивала своей зловещей безысходностью, у других вызывала лишь глухое сочувствие, а у некоторых пробуждала непреодолимое желание докопаться до истины: откуда в ребенке столько боли? Видимо, я относился к последней категории.

— Пойдем, — не раздумывая ни секунды, я ухватил Фэн Иня за руку и с улыбкой потянул за собой. — Дядюшка покажет тебе сокровища, которые собирает моя матушка.

— Больно... — Фэн Инь испуганно покосился на собственное запястье и опустил глаза.

— Больно? — удивился я. Проследив за его взглядом, я закатал рукав его одежды и онемел от ужаса. Рука мальчика сплошь покрылась темно-фиолетовыми следами от ударов хлыста! Откуда взялись эти раны?!

Я нахмурился:

— Это императорская наложница наказала?

Не успел я договорить, как он отрицательно мотнул головой.

— Тебя кто-то обижает? — предположил я. Но сам же усомнился в своей догадке — звучит абсурдно. Наследный принц, член императорской семьи! Какой безумец осмелится поднять на него руку?

Фэн Инь молчал. Меня прошиб холодный пот.

— И кто же такой смелый? — если этот негодяй попадется мне на глаза, я непременно пожалуюсь матери Сыжаня, нынешней владычице Внутреннего дворца.

Посмотрев на молчаливого мальчика, я тяжело вздохнул:

— Ладно, не хочешь говорить — не нужно.

Из-за его израненных рук я старался поднимать Фэн Иня с предельной осторожностью, хотя сам он оставался пугающе безразличным ко всему происходящему. Подхватив его на руки, я мысленно поразился: боже, какой же он легкий! Отбросив лишние мысли, я прямоком направился в сокровищницу матушки.

Фэн Иню на вид было лет шесть-семь, пожалуй, я приходился ему старшим братом на добрых пять-шесть лет. Но в нем не было ни капли ребячливого озорства, какое фонтанировало из Фэн И, он не бегал и не смеялся со сверстниками, как остальные принцы. Что бы ни происходило вокруг, он неизменно оставался тихим, холодным и до странного настороженным, словно каждое движение было выверено страхом перед новой расправой. Неужели его и впрямь так запугали?

Сокровища матушки действительно поражали воображение: каждая вещица стоила целое состояние и явно не принадлежала к миру смертных. Впрочем, мне всегда казалось, что страсть собирать подобные диковинки выдает в матушке женщину донельзя поверхностную.

Я взглянул на Фэн Иня. Увидев это изобилие, его черные глаза дважды блеснули жгучим, неподдельным восхищением. Но подобное выражение лица — столь открытая жажда обладания — меньше всего подобало сыну императора. Быстро справившись с собой, Фэн Инь сделал вид, что его ничто не интересует, равнодушно скользнул взглядом по полкам и замер перед изящной, миниатюрной заколкой для волос. Взгляд, с которым он уставился на нее, был до того сосредоточенным и жаждущим, что у меня мурашки побежали по коже.

Я нахмурился, не скрывая в голосе ни удивления, ни легкой насмешки:

— Тебе нравится эта заколка? Это же женское украшение! Хотя, по правде говоря, лицом ты и сам вылитая девчонка...

Заметив мои слова, он поднял на меня темные глаза. На секунду в глубине его зрачков мелькнуло что-то неуловимое, ускользающее от моего понимания, но уже в следующее мгновение он вновь уставился на заколку и произнес тихо и ровно:

— Если матушка заколет ею волосы, она станет еще красивей.

Ах вот оно что, оказывается, всё ради матери. Мог бы и сразу сказать, а то у меня сердце чуть не оборвалось от дурных предчувствий.

Не раздумывая, я снял заколку с подставки и протянул мальчику:

— Раз нравится — забирай.

В конце концов, у матушки столько украшений, что их не пересчитать по пальцам, от одной заколки не убудет.

Он взял вещицу дрожащими пальцами, до того растроганный, что даже слова благодарности застряли у него в горле.

Еще немного побегав и порезвившись, мы наконец добились своего — этот замкнутый, вечно холодный принц улыбнулся. По крайней мере, я чувствовал, что время потрачено не зря: улыбка у Фэн Иня оказалась очень красивой, хоть и застенчивой.

Вскоре из-за окон донеслись голоса дворцовых служанок: принцам, прибывшим из столицы, пора было возвращаться во дворец. А Фэн Инь всё еще находился здесь! Запаниковав, я схватил его за руку и пустился бечь к выходу, но впопыхах задел пару изысканных фарфоровых ваз. Услышав за спиной звон разбивающегося вдребезги фарфора, я мысленно взвыл: мне конец!

Проводив Фэн Иня, я вернулся к распахнутым дверям главной залы, где на возвышении восседала разъяренная матушка. Ловя на себе холодные взгляды придворных, я покорно принес из кладовой семейный кнут, опустился на колени и поднял его над головой.

— Ребенок виновен, прошу матушку наказать меня, — я сглотнул подступивший ком и добавил: — И пусть гнев матушки наконец утихнет.

По знаку матушки служанка забрала кнут из моих рук, зашла мне за спину и обрушила на мою спину первый удар. Закусив губу до крови, я терпел острую боль, пока удары сыпались один за другим. В груди kloкотало глухое раздражение, но ни единой капли раскаяния я не испытывал.

Подумаешь, разбили пару никчемных горшков! Стоило ли оно того?!

В конце концов эта безжалостная женщина велела служанкам бить меня до тех пор, пока я не потеряю сознание. Как я очутился в собственной постели, я уже не помню.

Стоило мне чуть шевельнуться, как спину пронзила огненная боль. Над ухом раздался знакомый упрек:

— Не двигайся...

Этот голос звучал дивно — сердце радостно затрепетало: Сыжань!

Я попытался приподняться и неловко задел флакон с лекарством, который он держал в руках. Совершенно ожидаемо на его прелестном лице мелькнуло легкое раздражение, а брови сошлись на переносице. Я виновато уставился на него и глупо хихикнул. Сыжань тяжело вздохнул, не в силах сердиться, и встал с постели.....

Охваченный паникой от мысли, что он сейчас уйдет, я судорожно ухватил его за полу одежды:

— Сыжань, ты куда?

— За мазью, — он легко высвободил рукав и уголки его губ тронула горькая усмешка. — Лежи смирно. С такой спиной и пытаешься вставать, тебе совсем не больно?

От его слов боль в спине тут же напомнила о себе с новой силой. Я послушно уткнулся носом в постель, наблюдая за тем, как его изящная фигура грациозно удаляется за целебным снадобьем, и чувствуя, как внутри разливается приятное тепло.

Еще с раннего детства у меня появилась заветная мечта: когда мы подрастем, я непременно возьму Сыжана в жены. Но сейчас, глядя на всё трезвым взглядом, понимал, насколько это нелепо — разве могут сойтись двое мужчин? И тем не менее заветная детская мечта так и осталась сокрытой на самом дне моего сердца, я и не думал от нее отказываться.

Так, окруженный заботой Сыжана, я постепенно шел на поправку, а раны на спине затягивались день за днем. Постепенно стерлось из памяти и само имя Фэн Иня.

Время летело стрелой, и два года промелькнули как один миг. Мы с Сыжанем достигли возраста совершеннолетия, а наши чувства... хех, разумеется, вышли на совершенно новый уровень!

Проснувшись ближе к часу Сы, я прищурился от ярких лучей летнего солнца, заливавшего комнату. Прикрыв глаза рукавом, я с минуту непонимающе хлопал ресницами, пока память не услужливо подсказала: сегодня же нужно ехать во дворец к Сыжаню! Мы договаривались еще несколько дней назад, и если я не появлюсь, Сыжань наверняка смертельно обидится.

Я стремглав вскочил с постели, наскоро оделся, кое-как умылся и, даже не притронувшись к завтраку, помчался в императорский дворец. Благодаря особому указу императора и императрицы, жаловавшему мне как малому вану право свободного прохода в любое время, стража не посмела чинить мне преград, и дорога во дворец оказалась открыта.

Проходя мимо императорского кабинета, я заметил толпу зевак и, поддавшись праздному любопытству, неторопливо протиснулся вперед. Заглянув за спины толпы, я остолбенел...

На полу, уткнувшись лицом в безжизненное тело женщины в роскошных одеждах императорской наложницы, лежал перемазанный кровью мальчик в желтом императорском халате. На лбу покойной уже запеклась темная кровь — судя по характеру раны, она разбилась о колонну. Мальчик прижимался щекой к ее холодной руке, на его шее отчетливо выделялись багрово-фиолетовые синяки, похожие на следы от удушения. Его губы беззвучно шевелились, складываясь в одно-единственное слово: «матушка», но голоса он подать уже не мог. Следы от слез на его щеках давно высохли, смешавшись с кровью и прядями растрепанных волос, а пустые, лишенные всякого блеска угольно-черные глаза смотрели в пустоту. Как ни посмотри, картина выглядела до боли... жалкой.

Столпившиеся вокруг евнухи и служанки наперебой громко обсуждали случившееся, пересказывая подробности этой драмы смесью злорадства и фальшивого сочувствия. Выслушав их трескотню, я наконец воссоздал всю картину.

Мальчика, прильнувшего к бездыханному телу, звали Фэн Инь, а покойная была его матерью — наложницей Нин. Мать же Фэн И звали наложницей Си. Будучи некогда простой служанкой наложницы Си, наложница Нин не отличалась благородным происхождением, но ветреный император по какой-то прихоти обратил на нее внимание, возвел в ранг наложницы и прижил с ней Фэн Иня. Это до глубины души уязвило врожденную ревность наложницы Си, которая с тех пор житья не давала несчастной женщине и ее ребенку. Император предпочитал закрывать глаза на их ссоры, и наложнице Нин оставалось лишь терпеть издевательства. В то время как Фэн Инь с малых лет демонстрировал блестящий ум и снискал расположение самого императора, глуповатый Фэн И не шел с ним ни в какое сравнение. Разъяренная этим наложница Си устраивала бесконечные скандалы, обрушивая всю злобу на бесправную наложницу Нин, и даже не думала оставлять в покое маленького Фэн Иня. И вот совсем недавно, угодив в немилость у императора, она решила выместить накопившуюся злобу на беззащитной сопернице. В приступе бешенства она набросилась на Фэн Иня и принялась душить его прямо на глазах у матери, грозя убить мальчика, чьей единственной опорой в жизни была эта женщина. Разве могла несчастная мать позволить задушить собственного сына? Обезумев от ужаса и гнева, наложница Нин схватила шпильку из волос и со всего маху вонзила её в затылок наложнице Си. Та даже не успела пикнуть — только ахнула и замерла мертвой на полу.

Бросившаяся к ним служанка с криками ужаса побежала прямо в кабинет императора докладывать о случившемся. Рассъяренный император немедленно приказал схватить находившуюся в состоянии глубокого шока наложницу Нин, а Фэн Инь с безутешным плачем тащился следом за стражниками, цепляясь за подол ее одежды и наотрез отказываясь уходить.

Оказавшись перед грозным взором императора на допросе, наложница Нин, захлебываясь

слезами, во всем созналась и, умоляя о пощаде, бессвязно лепетала слова мольбы.

Но разве законы Государства Цзин меняются по чьему-то велению? Император даже слушать не стал ее мольбы и приказал страже немедленно уволочь женщину на казнь. Убитая отчаянием наложница Нин вдруг обрела нечеловеческую силу: она вырвала руки из хватки палачей, с разбегу бросилась на багровую колонну у крыльца императорского кабинета и мгновенно рассталась с жизнью, отправившись напрямик в Подземный мир.

Фэн Инь, бежавший вслед за стражей, стал невольным свидетелем этой сцены. Остолбенев, он медленно подошел к телу матери, принялся теревить ее за плечи и долго звал обратно, пока наконец не осознал: матушка больше никогда не откроет глаза. И тогда из его глаз хлынули огромные слезы. Рухнув на еще не успевшее остыть тело, он зашлся в беззвучном, надрывном плаче, выкрикивая имя матери в отчаянной надежде, что она услышит и взглянет на него хоть разок.

Именно эту жуткую картину я и застал, когда прибыл во дворец.

Жизнь наложницы Нин была не сахар: поддержки при дворе не имела, нравом обладала мягким, из-за чего любой мог помыкать ею.

Разумеется, после гибели матери статус и положение Фэн Иня при дворе покатались по наклонной. Хотя многие придворные по-прежнему изображали на лицах почтительность, за глаза они презирали их обоих, и единственным человеком на свете, кому был по-настоящему дорог Фэн Инь, оставалась его матушка.

Эх... ребенку едва ступило лет девять, а на его плечи уже обрушилось такое горе. Поистине жалкое зрелище.

Вскоре подросли слуги и унесли бездыханное тело. Толпа зевак рассеялась так же быстро, как и собралась, каждый поспешил к своим обязанностям. Фэн Инь пытался помешать им, но его детских сил не хватало ни на что. Его пустые глаза провожали удаляющуюся носилках процессию с таким выражением абсолютной, неизбывной тоски, что сердце сжималось.

Я стоял неподвижно, глядя на него, пока наконец не сделал шаг вперед, опустился перед ним на корточки и, совершенно не брезгуя окровавленного лица, кончиками пальцев стер с его щек слезы и кровь. Стараясь придать голосу как можно больше твердости, я через силу улыбнулся:

— Не плачь. Я твой дядюшка, с этого дня я буду заботиться о тебе!

Он медленно повернул голову, и в его пустых глазах отразилась моя фигура. Приоткрыв бледные губы, он едва слышно выдохнул:

— ...Дядюшка.

— Вот именно, я твой дядюшка, — подтвердил я. Не успел я договорить, как мальчик кинулся мне на шею и зарыдал, уткнувшись лицом мне в грудь — тихо, без слез, испуская лишь сдавленные, зловещие стоны.

Пока я растерянно соображал, куда девать руки в этом медвежьем объятии, в поле моего зрения скользнула знакомая светлая тень. Хмурое лицо Сыжаня и его разъяренный взгляд заставили меня вздрогнуть. Резко оттолкнув Фэн Иня, я поднялся на ноги и принялся бессвязно оправдываться:

— Сыжань, всё совсем не так! Я просто проходил мимо, честное слово, я не собирался опаздывать!

— Да неужели? — его точеные брови взлетели вверх, а персиковые глаза сузились, оценивающе скользнув по остолбеневшему Фэн Иню. Сыжань неторопливой поступью приблизился к нам, присел на корточки и мягко произнес: — Если мне не изменяет память, ты — сын наложницы Нин, принц Фэн Инь.

Фэн Инь кивнул, подтверждая его слова, а затем, подумав секунду, опустился на колени и отвесил глубокий поклон.....

Сыжань помог Фэн Иню подняться и легко улыбнулся:

— Не стоит церемоний. Ты весь испачкался, пойдем со мной, старший брат поможет тебе привести себя в порядок, — он резко повернулся ко мне и изогнул бровь: — Чего стоишь столбом? Живо за нами.....

Я поспешно откликнулся и послушно последовал за Сыжанем в покои Восточного дворца. Пока служанки приводили Фэн Иня в порядок по приказу принца, я томился в ожидании. Когда же наконец двери отворились и вышел Фэн Инь, я с первого взгляда замер: облаченный в безупречно белые одежды, он излучал спокойную элегантность; тонкие брови, миндалевидные глаза, полуприкрытые веки, скрывавшие бурю застенчивости, чуть поджатые персиковые губы и неловко сплетенные пальцы рук...

Глядя на это создание, я едва сдерживал истерический хохот — перед нами стояла застенчивая благородная девица, впервые покинувшая родительский дом и смущенная появлением чужих людей, но никак не принц! В нем не осталось ни единой черты, подобающей члену императорской семьи, не говоря уже о капле былой стати.

Плохо дело, кажется, я сейчас рассмеюсь в голос...

Я схватил пиалу и сделал жадный глоток чая, тут же подавившись им и заходясь в лающем кашле. Сыжань участливо протянул мне платок, но в попытке поскорее вытереть капли с подбородка я неуклюже смахнул со стола чайную чашку.

Лицо Сыжания потемнело:

— Что ты творишь?

— Кхм... пью чай, — я неловко кашлянул, пытаюсь скрыть смущение. — Ой, не сердись, я сейчас всё уберу.

Я наклонился, но осколок чашки тут же глубоко порезал мне палец. Лицо Сыжания стало темнее тучи; нахмутив брови, он велел служанкам принести мазь от порезов, сам отобрал баночку и с невероятной, почти трепетной осторожностью принялся обрабатывать мне ранку. Видя его сосредоточенное лицо, я чувствовал, как внутри меня распускается весна.

В голове молнией пронеслась безумная мысль: если бы так заботиться обо мне Сыжань мог всю жизнь, то умереть за это было бы вовсе не страшно!

— Дядюшка, неужели этот порез превратил тебя в дурака? — уголки губ Сыжания тронула насмешливая улыбка. — Непорядок. Если дядюшка и вправду отупеет, какая же девица согласится выйти за него замуж? Так ведь и род прервется.

— Пустяки, главное, чтобы ты за меня вышел, — не подумав, сболтнул я фразу, за которую впору лишиться головы.

— Хорошо, — ответил он с улыбкой, не колеблясь ни единой секунды.

Я остолбенел, соображая, что к чему. Значит ли это, что Сыжань только что согласился? Значит ли это, что в его сердце живет то же чувство, что и в моем?

<http://bllate.org/book/21938/2279243>